

Инсуррекция - это больше чем волна бунтов, военных протестов, блокад, оккупаций и т.д. Это начало прорыва, поиск точки, после которой невозможно вернуться назад.

КАЗАХСКАЯ ИНСУРРЕКЦИЯ

КАЗАХСКАЯ ИНСУРРЕКЦИЯ

АНОНИМ

Февраль 23, 2022

Перевод из Автономное Действие

форой в geopolитической игре, не приводит к завершению самой игры. Так или иначе, глобальная партия порядка состоит из большого количества региональных и глобальных держав. Но именно это позволяет нам продумывать последовательность действий, которые могут допустить разрушение geopolитического порядка; а уже это может стать необходимым, хоть и не достаточным, условием социальной революции сегодня.

Без непосредственной угрозы вторжения следующие восстания в бывшем советском регионе могут помочь нам составить представление о том, что именно должно указывать на необратимость инсуррекции. У следующей революции в таком месте как Сирия или Судан может быть достаточная передышка от внешних препятствий, чтобы начать противостоять своим внутренним ограничениям. Это значительно увеличивает возможность революционного прорыва. Это также может означать появление чего-то вроде сообщества. Инновация в любом месте будет иметь немедленные последствия, особенно в контексте новой глобальной волны борьбы: в основном потому, что разные участники борьбы спешат применить что-то, что резонирует с их собственной ситуацией. Очень быстро в этой последовательности может быть достигнута точка, когда в этой глобальной гражданской войне вернуться назад уже невозможно.

Когда появятся вооруженные рабочие, все препятствия, сопротивления, трудности исчезнут.

—Бланки

Теория государства - это риф, на котором потерпела крушение революция нашего поколения. Во время Арабской весны люди смогли привести режим к падению, но институт власти остался нетронутым. В других местах революции истощались затяжными гражданскими войнами. Везде, где казалось, что старый режим рушился, он находил новые источники силы и устанавливался снова. Что бы стало, сломай мы наконец этот цикл?

В прошлом инсуррекциям удалось свергнуть скорее государство, чем конкретное правительство. Инсуррекция - это больше чем волна бунтов, военных протестов, блокад, оккупаций и т.д. Это начало прорыва, поиск точки, после которой невозможно вернуться назад. Если революции нашего времени не свергли государство, на наш взгляд это произошло потому, что они не были инсуррекциями: были ненасильственные мятежи, бунты, вооруженные конфликты и гражданские войны, но инсуррекции еще не случались.

В ближайшие годы мы, скорее всего, станем свидетелями экспериментов в искусстве инсуррекций, когда новое поколение революционеров попытается преодолеть препятствия, с которыми встретились во время восстаний 2011 и 2019. Казахстан - страна, которую многие американцы знают только по фильму "Борат" - может оказаться первой весточкой этого будущего. Недавние события в Казахстане - момент, когда, начиная с глобальных волнений 2018 года, восстания подошли наиболее близко к полномасштабной инсуррекции. Это позволяет представить, как могли выглядеть недавние движения, такие как восстания Джорджа Флойда, зайди они дальше. Курс событий в Казахстане предсказывает то возможное направление, по какому следует обходить подводные камни, на которые напоролись современные революции. Восстания обеспечивают незамутненный взгляд на форму будущих инсуррекций, а потому они позволяют исследовать ограничения, которые могут встать на пути инсуррекционного процесса сегодня.

Вакцина бунта

В первый день нового 2022 года правительство Казахстана прекратило удержание роста цен на топливо, что привело к увеличению цены за ночь почти вдвое. На следующий день на западе Казахстана, в регионе, где добывается топливо, вспыхнули протесты. Важно отметить, что первые демонстрации происходили в Жанаозене - городе, чье имя стало синонимом для жестоких репрессий нефтяников, участвовавших в забастовке 2011, которая стала предпосылкой для волн бунтов по всему региону.

В этом году, когда восстания распространились по всей стране, они приобрели более общий характер, постепенно собирая все больше новых требований. Когда демонстрации достигли Алматы, бывшей столицы и крупнейшего города, они начали отражать общее социальное неудовлетворение, подключив всеобщее неудовлетворение неравенством, бедностью и коррупцией. Демонстранты теперь призывали к отставке бывшего президента Нурсултана Назарбаева, который занимал пост главы Совета безопасности. Назарбаев был президентом около 30 лет, и многие

нынешнее положение вещей, то для восстановления порядка царская империя просто-напросто совершил вторжение. Эта угроза в конечном итоге была реализована в Венгрии и Румынии. Россия в некотором смысле функционировала как промышленная резервная армия контрреволюции.

Маркс провел большую часть оставшейся жизни, пытаясь определить условия, при которых возможна революция в самой России. Он считал, что Русская Революция может стать необходимой предпосылкой для возвращения революции на европейский континент. И оказался прав. Только когда сама Российской империя была разорвана волнениями в 1905, а затем в 1917 году, новая революционная волна прокатилась по Европе, а вскоре и по большей части мира.

Может ли сегодня Россия играть аналогичную роль? Каждое восстание в Средней Азии или Восточной Европе происходит под угрозой вмешательства России. За пределами своей непосредственной сферы влияния Россия обеспечивала финансовое, военное и дипломатическое прикрытие контрреволюций в Сирии, Судане и других местах. Россия в очередной раз выступает в качестве глобального посредника порядка в последней инстанции. «Путин — не жандарм Европы, — недавно сказал один финский анархист, — а жандарм всего мира».

События января 2022 года — это третий раз за последнее десятилетие, когда российские войска вмешивались в восстание в регионе. Но для России это каждый раз было пирровой победой. Каждое вмешательство настраивало местное население против России, как это было в случае с Украиной. Что наиболее важно, каждый раз, когда государство, являющееся зеркальным отражением путинской России, оказывается настолько уязвимым для народных волнений, что требует иностранного вмешательства, эта тенденция на один шаг приближается к своему завершению: массовому восстанию в самой России.

Россия больше не может быть «слабым звеном в империалистической цепи». Но если Россия будет втянута в водоворот борьбы в своем регионе, она временно может потерять способность вмешиваться где-либо еще. Россия, вынужденная играть

тем больше стремится к дипломатическому, а в случае неудачи, и к военному успеху, который он может продать своей публике». Или, как красноречиво выразился CrimethInc:

«Могущественные правительства не будут стоять в стороне и не позволят простым людям сформировать жажду к свержению себя. Их заставят вмешаться, как это сделала Россия в Украине, в надежде, что война победит восстание. Война — это способ перекрыть возможности, сменить тему. Однако это рискованное дело — оно может помочь правительствам укрепить свою власть, но история показывает, что оно также может их дестабилизировать.»

Поскольку эти события являются логическим завершением роли России в подавлении беспорядков в сфере ее влияния, похоже, маневры Путина также направлены на то, чтобы отклонить возможность беспорядков дома. Когда беспорядки окружают ядро, война дает возможность отеснить его обратно в сферу международной политики. Конфронтация с НАТО позволяет Путину позиционировать себя как аутсайдера, противостоящего западному империализму, что может хотя бы на короткое время разжечь националистические настроения внутри страны. Это работает на уровне народных настроений, но также может способствовать сжатию его олигархической коалиции за счет внешнего давления. Последующие санкции также прикрывают отстающую экономическую ситуацию в России.

Сначала возьмем Москву, потом возьмем Берлин

Тупиковые ситуации нашего времени в каком-то смысле перекликаются с тупиковыми ситуациями более ранней эпохи. Здесь тоже нет недостатка в исторических параллелях. Угроза иностранной интервенции нависла над революциями 1848 года, как Дамоклов меч. Россия, самая большая и самая консервативная страна Европы, в наименьшей степени пострадала от непрекращающейся волны беспорядков в тот год; также, она в наибольшей степени привержена сохранению существующего порядка. Революционеры опасались, что, если какое-либо восстание зайдет достаточно далеко и нарушит

верили, что он продолжает управлять страной за кулисами.

До настоящего времени эти события следовали известному паттерну. Восстания, которые потрясли Францию и Судан в конце 2018 года, начались в глубинке как протесты против растущих цен. То же самое справедливо для революций в Тунисе в конце 2010, которые запустили события Арабской весны. Французские протесты изначально происходили как ответ на налог на газ. В Судане они были вызваны прекращением государственных субсидий на товары первой необходимости, такие как топливо и пшеница. Протесты в Судане также начались в промышленных городах, известных историей организации рабочего класса и последующих репрессий. В каждой стране протесты приобретали все больше требований по мере распространения. По мере разрастания движения, разрасталось и представление о том, что можно требовать. Столица в каждом случае становилась центром гравитации общественного движения, которое теперь имело мало общего с изначальным требованием.

В Алматы события быстро начали ускоряться. Протесты начались 4 января. К 5 января они переросли в вооруженное восстание, целью которого были уже не только политические реформы, но и свержение правительства. Происходил штурм штаб-квартир полиции, полицейских участков и телевышек. Главные здания правительства были сожжены до тла. Резиденции бывшего президента и регионального представительства правительственной партии Нур Отан также были преданы огню. Толпы людей захватили аэропорт, прекратив его работу. Полиция и охрана сдались толпе и были разоружены. Поджигались патрульные машины. По всему городу начались грабежи. Начали распространяться видеоролики, на которых повстанцы раздавали толпе винтовки, украденные из магазинов. Судя по всему, в ту ночь власть была в руках повстанцев.

Некоторых случайных наблюдателей поразило стремительное разрушение Алматы. Но, как напоминает нам Ванергейм, «варварство бунтов, поджогов, народной дикости, всех эксцессов... как раз и есть вакцина бунта против холодного зверства сил закона, порядка и иерархического гнeta».

Президент Касым-Жомарт Токаев сначала попытался задобрить протестующих, уступив некоторым их требованиям. Топливные

субсидии были восстановлены. Кабинет был распущен. Бывший президент Назарбаев был снят с поста председателя Совета безопасности страны. Отстранены от должности и другие члены его ближайшего окружения. Некоторые были арестованы. Токаев быстро попытался переделать себя в казахского Берни Сандерса, произнеся популистскую речь, в которой осудил неравенство доходов в стране и её правящую элиту.

Но было слишком поздно, чтобы замедлить происходящий процесс. Никакие реформы, какие только мог предложить президент, не остановили бы в этот момент нарастающую волну гнева. 6 января беспорядки привели к военному вмешательству, которое осуществил российский аналог НАТО - Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), состоящая из 6 стран с Россией во главе. На следующий день в процессе взятия Алматы Токаев приказал силам безопасности «стрелять без предупреждения». Это был первый случай, когда ОДКБ была мобилизована. В наше время восстаний эти взаимные пакты безопасности становятся несколько большим, чем просто координирующим органом вооруженной контрреволюции.

Президент Токаев заявил, что это были не спонтанные демонстрации, а скорее действия «банды террористов». Эти же заявления повторили в «Нью-Йорк таймс», удивляясь скорости распространения протестного движения по такой большой территории. Если беспорядки не были результатом высокоорганизованного исламистского мятежа, то они должны были быть просто-напросто организованным переворотом — другими словами, борьбой за власть между конкурирующими фракциями правящей элиты. Такие точки зрения выдают часто встречающуюся неспособность к пониманию того, как именно сегодня распространяется борьба — процесс, который больше зависит от повторения и резонанса, чем от очевидной координации.

Из-за отсутствия интернета и телефонной связи, а также закрытия аэропорта, Казахстан внезапно оказался отрезанным от остального мира. Стало трудно понять, что происходит на земле в режиме реального времени. Даже сейчас события тех дней остаются для нас не очень ясными. Однако, 8 января правительство заявило, что порядок в бывшей столице восстановлен, а движения по всей стране

котором участники в Казахстане, несомненно, знают больше всего. Это осознание дало движению как набор тактик, так и понимание возможностей и ограничений. Так, Кыргызстан, переживший за последние десятилетия три восстания, в результате одного из которых были сожжены парламент и другие правительственные здания, видится особой точкой отсчета.

То, как борьба резонировала в этом регионе, обусловлено не только близким расположением стран. Каждая из бывших советских республик имеет определенную степень экономической интеграции, а также является членом пакта о взаимной безопасности. Это означает, что события в одной стране довольно быстро оказывают влияние на другие страны. Но что наиболее важно, каждая страна имеет политическую и экономическую систему, созданную по образцу российской. Таким образом, успешное продвижение борьбы в любом месте региона подчеркивает уязвимость всех авторитарных правительств в регионе и обеспечивает тот набор тактик, который можно было бы воспроизвести в другом месте. Беспорядки в любом месте региона означают возможность беспорядков повсюду и, таким образом, поднимают вопрос о вмешательстве России и восстановлении регионального порядка.

Война и восстание

Кризис на Украине лучше всего воспринимать как результат турбулентности, вызванной этим водоворотом борьбы. Во время протестов Евромайдана в 2014 году пророссийский президент и большая часть его администрации бежали из страны. К власти пришло новое правительство, которое начало добиваться более тесных отношений с Европейским Союзом. В то же время вмешались российские военные, аннексировав Крым и поддержав сепаратистские движения на востоке Украины. Это запустило цепь событий, приведших к нынешнему геополитическому противостоянию на границе с Украиной. Вероятно, этот процесс был ускорен сначала восстанием в Беларуси, а затем восстанием в Казахстане. По словам Financial Times, «наблюдая за тем, что происходит с Назарбаевым, человеком, у которого он черпал вдохновение, Путин, возможно,

На данный момент, это размышление часто ограничивается чисто практическими вопросами. Какая тактика сработала и поэтому ей стоит воспользоваться снова? Какие ошибки привели к поражению? Там и тут эти тактики, а также их анализ, постепенно распространяясь, дополняют каждую волну борьбы некоторой степенью координации. Однако, со временем, координация может стать более целенаправленной для того, чтобы преодолеть препятствия, которые создает глобальная партия порядка.

Новое революционное течение, где бы оно ни появилось, должно будет соединить как разные группы, так и разный опыт. Придется найти какую-то непротиворечивую основу для единения своих планов. Из этого должна появиться какая-то сила, способная координировать и поддерживать революционные действия, где бы они ни возникали.

Волны и водовороты

Волны борьбы часто являются глобальными событиями, но они, как правило, воспринимаются как региональные. В 2011 или 2019 году, как и в 1968, 1917 и 1848 годах, восстания происходили почти одновременно и почти по всему миру. В то же время их участники, вероятно, испытывали их с точки зрения конкретных региональных особенностей. Революции Арабской весны на Ближнем Востоке и в Северной Африке, как правило, обращали самое пристальное внимание друг на друга, регулярно извлекая уроки из этого опыта, при этом сами становясь вдохновением для восстаний по всему миру. В Восточной Азии или на Балканах такое же специфическое «созвездие» борьбы в первую очередь извлекало уроки друг из друга. Это справедливо также когда тактика, возникающая из одного «созвездия», становится вирусной и вдохновляет на далеко идущие сражения. Такие региональные волны можно назвать водоворотами.

Непосредственной предпосылкой восстания в Казахстане стал региональный водоворот борьбы в бывших советских республиках Средней Азии и Восточной Европы. К ним относятся недавние восстания в Беларуси, Киргизии и Украине. Это тот опыт, о

идут на спад. По официальным данным, в ходе беспорядков было убито более 225 демонстрантов и девятнадцать полицейских. Почти восемь тысяч были задержаны.

Есть определенная историческая ирония в этих событиях, происходящих почти через год после бунта в Капитолии в Америке. Кажется, нужно перевернуть формулу Гегеля с ног на голову: сегодня все великие события происходят дважды — сначала как фарс, потом как трагедия.

Двойное государство и революция

Восстания, происходившие после финансового кризиса 2008, привели к свержению правительства, но не смогли поколебать основы государства. Революции в Тунисе, Египте, Судане, а также где-нибудь еще уступили место военным переворотам. Однако, это было возможно потому, что в этих обществах военные уже функционировали как нечто вроде двойного государства. Теперь людям хочется, чтобы падение режима означало не только свержение правящей группировки, но также поражение двойного государства. Именно это подразумевалось в Судане под лозунгом «Победа или Египет».

Один из аспектов этого вопроса — тактический. Восстания, такие как те, что перечислены выше, а также те, которые привели к последовательности «политическая революция - переворот - контрреволюция», можно охарактеризовать как ненасильственные. Хотя этот термин не вполне уместен, косвенная стратегия ненасильственного восстания заключается в том, чтобы заставить военных встать на сторону народа против режима. Таким образом, эта ситуация дает вооруженным силам возможность решить исход революции. Лучше всего это иллюстрирует сложный случай 2019 года, когда в Хартуме, столице Судана, лагерь обосновался за пределами военного штаба. Но тактика ненасильственных восстаний теряет свою силу, как только военные приходят к власти и стремятся оставаться на месте. Результат этого стал болезненно очевидным после переворотов в Судане и Мьянме.

Вынуждая полицию и военных отступить, конфискуя их оружие,

штурмую полицейские участки и грабя оружейные магазины, раздавая оружие толпе, штурмую аэропорт и поджигая правительственные здания, Казахстан поднял вопрос о вооруженном восстании. Исторически это значит, что, вместо принуждения государства к переговорам или компромиссу, перед нами возникает попытка поражения государства как такового. Можно ли проложить путь в обход ловушек, в которые до сих пор попадались революции 21-го века? Ненасильственные протесты могут свергнуть режим, но не свергнуть государство. Вооруженное восстание может свергнуть государство, а не только режим.

Но тут, конечно, не обойтись без рисков. Мало того, что неудавшееся восстание провоцирует худшие методы репрессий; но и там, где оно удалось, велик риск гражданской войны.

Есть также вероятные исторические причины, по которым вооруженное восстание остается предпочтительным вариантом в одних странах, но не является таковым в других. Судан, например, десятилетиями разрывается на части гражданской войной. Неудивительно, что вооруженная борьба рассматривается как нечто, чего следует избегать. В других местах Ближнего Востока и Северной Африки, например, в Сирии, разворот к вооруженной борьбе превратил революцию в апокалиптическую гражданскую войну. Здесь, в Казахстане, вооружение может иметь особый смысл. Мы можем наблюдать прецеденты вооруженных демонстраций в ближайшем регионе, как, например, те, что происходили во время Евромайдана в Украине.

Опыт Казахстана не дает нам однозначной модели того, как нужно действовать. Восстание — лишь одна из множества современных попыток выйти из тупиков нашего времени. Пока неясно, чем результаты этого опыта будут отличаться от продолжительных массовых ненасильственных протестов в Судане или поворота к партизанскому мятежу в Мьянме. Но любой эксперимент, достигающий определенного порога интенсивности, скорее всего, станет важным уроком, который можно будет перенять в течение следующей волны борьбы.

путешествует и распространяется посредством резонанса, успех в любом месте может вдохновить на аналогичные попытки повсюду. То, что начинается как локальное восстание, может очень быстро создать экзистенциальную угрозу всему глобальному порядку капиталистического общества. Это объясняет, почему спорадическим взрывам революционного противостояния сегодня противостоят организованные репрессии международного уровня, действующие посредством глобального распределения задач. В конечном счете вся сила глобальной партии порядка будет брошена на борьбу с любым местным восстанием.

Во-вторых, во все более многополярном мире каждый кризис дает повод для пересмотра региональных и глобальных балансов сил. Восстания быстро поглощаются конфликтами между различными мировыми державами. Кроме того, что восстания противостоят репрессивной силе глобальной партии порядка, они также становятся местом, где разные фракции этой партии сводят счеты друг с другом. Таким образом, восстания непосредственно сталкиваются с проблемой geopolитики.

Если сегодняшние революционные усилия отданы на откуп репрессиям, то это потому, что поддерживать их не в интересах какой-либо существующей власти. До сих пор не существует практической организации революционного интернационализма, которая бы их поддерживала.

«Революционеры повсюду, но настоящей революции нет нигде», — заявил однажды *Situationist International* в момент, мало чем отличающийся от нашего. Но именно производя революционеров, как сказал Каматт, мы можем представить выход из этого geopolитического ада. Так мы можем увидеть основные координаты пролетарской geopolитики или нового интернационала.

Каждая попытка революции, каждая массовая борьба оставляет за собой новое поколение революционеров. В Каире, Хартуме, Сантьяго и других местах восстания оставляют после себя людей, которые не могут отвернуться от того, что они пережили. Затем они пытаются найти друг друга и подготовиться. Эти новые революционеры пытаются примириться со значением опыта, который они пережили, а также с его ограничениями и уроками.

она сталкивается. Эти ограничения по отношению к самой борьбе часто рассматриваются как внутренние.

Например, многие участники восстания Джорджа Флойда, скорее всего, сказали бы, что движение потерпело поражение от государства в результате некоторой комбинации репрессий и кооптации. Рассказы революционеров того времени, как правило, говорят о другом. Некоторые сосредотачиваются на составе движения и на том, как в нем возродились разделения по признаку расы и класса, что помешало его расширению и усилению. В других отчетах описывается, как возник аппарат общественного движения, который зафиксировал реальное движение бунта и перенаправил его энергию. В любом случае, вместо того, чтобы подчеркивать поражение движения, этот анализ, как правило, сосредотачивается на тех препятствиях, которые возникли внутри движения и которые оно не смогло преодолеть.

Определенная дистанция приводит к определенной неясности. Но свидетельств о том, что восстание в Казахстане развалилось под тяжестью собственных ограничений, крайне мало. Ни журналисты, ни комрады на местах не предоставляют достаточных доказательств того, что в ходе борьбы возникли разногласия или что бунт каким-то образом сдерживался общественным движением. Возможно, события развивались слишком быстро, чтобы внутренние ограничения были четко обозначены. Вместо этого восстание, похоже, было просто подавлено вооруженными силами государства при помощи иностранной интервенции.

Возможно, наше стремление к слишком четкому, теоретически последовательному описанию внутренних пределов борьбы привело к тому, что мы упустили из виду более непосредственные препятствия на пути революции. Коммунистическая теория сегодня должна будет предоставить отчет о таких внешних препятствиях - государстве и geopolитике – а также о возможных путях их искоренения.

Новый Интернационал

Восстание в любом месте немедленно становится глобальной проблемой. Этому есть две причины. Во-первых, поскольку борьба

Ритм и инициатива

Инсуррекция — это искусство, такое же, как война. Оно подчиняется определенным правилам, и пренебрежение этими правилами может привести к разорению пренебрегающей стороны. Эти правила, или логические выводы, заложенные как в особенностях сторон, так и в обстоятельствах, с которыми они сталкиваются, достаточно просты; мы знакомы с ними благодаря краткому опыту января 2022.

1. Никогда не играйте с инсуррекцией, если вы полностью не готовы столкнуться с её последствиями. Если начинаете, твердо осознайте, что вы должны пройти весь путь.

2. Сосредоточьте превосходящие силы в решающем пункте в решающий момент, иначе противник, превосходящий в подготовке и организации, уничтожит повстанцев.

3. Если же восстание началось, повстанцы должны действовать с величайшей решимостью и во что бы то ни стало непременно перейти в наступление. Оборона есть смерть всякого вооруженного восстания.

4. Застаньте врага врасплох и воспользуйтесь моментом, когда его силы будут рассеяны.

5. Стремитесь к ежедневным успехам, пусть даже малым (можно сказать, ежечасным, если речь идет об одном городе), и любой ценой сохраняйте превосходный моральный дух.

Партия восстания должна захватить и удержать инициативу, навязывая событиям свой ритм. По словам Дантоне, de l'audace, de l'audace, encore de l'audace (смелость, смелость, еще раз смелость).

Вооруженное присутствие

Инсуррекция — это определенное отношение к применению оружия. Это не вопрос насилия и ненасилия, и это не имеет ничего общего с вооруженной борьбой. Речь идет скорее о сохранении вооруженного присутствия. Власть не свергается с помощью оружия, но наличие оружия может помочь сохранить пространство, появляющееся, когда полиция и политики бегут. Речь идет о приобретении оружия и последующем принятии всех необходимых мер для предотвращения

его использования. Образцовым в этом отношении является опыт Алматы: там оружие грабили и раздавали толпе, видимо, чтобы защитить пространство, созданное народным восстанием. Однако применение оружия оставалось второстепенным и никогда не уступало место специализированным, обособленным вооруженным группам, появление которых часто подрывает народное и коллективное настроение восстания.

Политическое поражение полиции и вооруженных сил возможно. Когда кризис достаточно глубок, военных всегда направляют наводить порядок. Однако история показывает, что, пока они не прибудут, невозможно предсказать, как они будут действовать. Достаточно большая и решительная толпа может заставить армию остановиться и отказаться от огня или даже дезертировать и присоединиться к повстанцам, особенно если получится объединиться с солдатами. Так произошло, например, в военном штабе в Хартуме в апреле 2019 года. Это объясняет историческую важность баррикады, которая создает время и пространство, необходимые для объединения. Политическое поражение вооруженных сил может потребовать стычек, но они не должны перерастать в борьбу насмерть. Напротив, военное поражение вооруженных сил может оказаться невозможным. Как свидетельствуют недавние события в Сирии, Ливии и Йемене, милитаризация гражданской войны быстро лишает ее всякого освободительного содержания.

В Алматы боевикам понадобилось всего несколько коротких стычек, чтобы быстро победить и разоружить полицию и прочие силовые структуры. Но государство смогло перегруппироваться: ситуация быстро изменилась с прибытием вооруженных сил, готовых открыть огонь по толпе. Тем не менее, просьба об иностранном вмешательстве показала неуверенность Токаева в отношении своих собственных сил безопасности. Знаменательно, что никто не может заранее знать последствий подобной ситуации; не существует какого-либо фиксированного правила, определяющего обстоятельства, которые приведут к политическому поражению иностранной армии. Восстание всегда означает прыжок в неизвестность.

скакок от мятежа к восстанию. Проблемой является то, что борьба не смогла проникнуть через стеклянный пол в пространство, скрытое за производством. Борьба, как правило, возникает в сфере обращения, она должна вернуться назад к рабочим, чтобы стать революционной.

Нигде до сих пор не было серьезных нововведений,двигающихся в этом направлении. Возможно, это отражает нынешнюю незрелость нашего цикла борьбы, явную дистанцию между нашим положением и революционным горизонтом. Но это также может указывать на то, что *Theorie Communiste* просто не задает правильных вопросов. Коммунистическая теория часто рассматривает капиталистическое общество как логическую проблему, для которой революция или коммунизм являются локальным решением. Но история редко развивается так логично.

В течение нескольких недель после подавления восстания в Казахстане прокатилась волна рабочих волнений. Как и само восстание, оно началось в нефтедобывающем регионе западного Казахстана, а затем распространилось по всему миру. Сначала бастовали нефтяники в знак солидарности с протестным движением, тоже самое делали и медники на юго-востоке. Затем нефтяники снова объявили забастовку, требуя повышения заработной платы, а вскоре после этого — начали бастовать работники связи, водители скорой помощи и пожарные. Даже курьеры в gig-экономике начали угрожать забастовкой. Стеклянный пол начинает трескаться? В настоящее время еще слишком рано говорить о том, является ли эта горстка демонстраций началом общенациональной забастовочной волны или они просто выдохнутся. Но стоит помнить, как указывает Роза Люксембург, что стихийные забастовки — это то, что поддерживало тлеющие угли между пиками и затишьями революции 1905 года.

Затмение и возрождение geopolитики

Коммунистическая теория — это попытка объяснить само капиталистическое общество, а также то, как именно его преодолеть. Чтобы описать, как будет разворачиваться такое революционное преодоление, мы вынуждены уделить внимание борьбе, происходящей в капиталистическом обществе, а также, ограничениям, с которыми

что эти места часто играют тактическую, а не просто символическую роль в развертывании восстания. Важность штурма Зимнего дворца во время русской революции не была связана с тем, что тогда власть была централизована не так, как сейчас. Наряду со своим символическим значением, это событие позволило партии арестовать потенциальных лидеров контрреволюции, одновременно деморализовав немногие фракции вооруженных сил, все еще готовые бороться против восстания.

Многое изменилось за последнее столетие. Коммунистический Интернационал придавал большое значение роли дисциплинированных кадровых формирований, которые (насколько нам известно) нигде в этой череде сражений не возникли. Но на данный момент утверждение о том, что места институциональной власти имеют меньшее значение в восстании, чем техническая инфраструктура, следует рассматривать скорее как гипотезу, которую необходимо проверить и уточнить, но не как данность.

В разговоре о новизне нашего времени можно было бы привести и противоположный аргумент. В нашем обществе зрелищ символические места силы могут иметь большее значение, чем раньше, что объясняет их магнитическое притяжение. Зрелище, произведенное штурмом американского Капитолия, хоть и выглядело неумело, вероятно, более значимо, чем если бы та же группа людей нацелилась на место, имеющее реальное материальное значение. Точно так же осада Третьего участка в Миннеаполисе имела большое значение как для разрушенной инфраструктуры, так и для созданного зрелища. Во время суданской революции такую же эффектную роль сыграло сожжение штаб-квартиры правящей партии Национального конгресса в Атбаре, хотя это место имело очень мало инфраструктурного значения.

Треск стеклянного пола

В других выпусках «Коммунистическая Теория» (*Theorie Communiste*), французский журнал, пишущий после известных революционных событий 1968, утверждает, что ключевое препятствие, с которым сталкивается череда сражений, это вовсе не

География восстания

Общая задача любой инсуррекции состоит в том, чтобы стать необратимой. Но как это происходит? Чего должна достичь инсуррекция, когда она будет приведена в движение? Если предыдущие поколения революционеров могли заранее ответить на эти вопросы с некоторой долей уверенности, то это потому, что у них был более богатый опыт, на который можно было опереться. Балансовый листок нашего столетия в этом смысле неполон. И хотя Казахстан, возможно, не становится примером для подражания, он дает возможность проверить некоторые гипотезы, витающие в воздухе.

Во-первых, часто можно услышать, что метрополия будет играть меньшую роль в революциях 21-го века. «Сегодня можно захватить Париж, Рим или Буэнос-Айрес без решающей победы», говорит Невидимый комитет (Invisible Committee). В прошлом казалось, что повстанцам просто необходимо взять Париж или Петроград и Москву, чтобы восстание увенчалось успехом. Но революционеры, которые этому последуют, столкнутся с контрастом между революционным городом и контрреволюционной деревней, который так или иначе приведет к их гибели.

Отношения между городом и деревней, несомненно, претерпели изменения в прошлом столетии. Тем не менее, следует отметить, что метрополия сохранила определенное привилегированное положение в современной борьбе. В то время как восстания часто начинаются на периферии страны, крупнейший город или столица имеет тенденцию становиться центром притяжения, задавая тон и ритм для остальной части страны. Часто именно здесь происходят самые передовые эксперименты и события с самыми высокими ставками. Президент Казахстана признал это: «Потеряв Алматы, мы потеряли бы столицу, а затем и всю страну».

Во-вторых, в своем отчете о восстаниях 2008-2012 годов Невидимый комитет утверждал, что движение, начавшееся на площадях, позволило себе очароваться притягательным ощущением власти, и этот факт в конечном итоге разоружил их. Множество генеральных сражений во время восстаний той эпохи

происходили ради попытки получить доступ к кажущимся важными правительственные зданиям, и это происходило потому, что «места институциональной власти оказывают магнитическое притяжение на революционеров». Но когда горе-революционерам удавалось штурмовать здания правительства, они оказывались пустующими. В 2013 году Комитет пришел к выводу, что если больше нет штурма Зимних дворцов или Бастилий, то это потому, что «сила теперь находится в инфраструктуре этого мира».

Если интерпретировать события 5 января в Алматы с этой точки зрения, появляется несколько противоположных прочтений. Можно возразить, например, что спонтанные собрания в мэрии день за днем, попытки штурмовать различные залы власти и поджигать их, в конце концов, — все это просто усиление старых паттернов, но не разрыв с ними. Но можно также утверждать, что, просто сжигая правительственные здания и двигаясь дальше, повстанцы продемонстрировали, что эти здания их не очаровывают, точно так же как не шокирует их пустота. Они были просто еще одним элементом этого мира, который придется уничтожить.

Скорее всего, нам придется усваивать всё новые уроки после каждой новой волны борьбы; разница только в том, что, возможно, это будет происходить быстрее с каждым разом. Скорее всего, поэтому повстанцам было необходимо пережить штурм правительенных зданий и обнаружить их пустующими — для того, чтобы обратить взор на другие стратегические горизонты. Поэтому закономерно, что сразу после поджога мэрии последует поворот к захвату критически важных элементов инфраструктуры, таких как аэропорт.

Пределы новизны

В инсуррекции, как и в любом современном искусстве, есть искушение чрезмерно подчеркнуть новизну. Легко упустить из виду то, что остается неизменным. После революции 1848 года Жоржу-Эжену Осману было поручено перепланировать улицы Парижа. Будучи свидетелем их использования во время успешных восстаний, он стремился заменить плотные и защищенные городские районы, способствующие баррикадам и уличным боям, широко открытыми

бульварами. По мнению Маркса и Энгельса, его работа во многом удалась. Они пришли к выводу, что эпоха восстаний закончилась, и революционную политику необходимо переосмыслить. Бланки, глава и сердце пролетарской партии во Франции, думал иначе. Вместо этого он утверждал, что реконструкция предоставила возможности как для партии восстания, так и для партии порядка. Может потребоваться новая тактика, но не фундаментальное переосмысление. Этот спор часто считается разрешенным в пользу Маркса, но нынешний ход истории, возможно, в большей степени подтверждает предсказания Бланки. Самый богатый опыт парижского повстанческого века придет позже, во время Парижской Коммуны, спустя десятилетия после османизации.

В этом свете может быть поучительно вернуться к обсуждениям инсуррекции, которое предлагают традиции революционной теории начала XX века. В середине 1920-х годов Коммунистический Интернационал распространял руководство под названием «Вооруженное восстание», в котором сочетались тщательные тематические исследования успешных и неудавшихся восстаний — и практические инструкции по подготовке к грядущим восстаниям. В нем они подчеркивают важность частичных побед. Восстание вряд ли удастся победить в один решающий момент. Наоборот, каждый шаг на этом пути должен устранять препятствия и создавать импульс для партии восстания, истощая боевой дух партии порядка.

Это означает, что необходимо следить за порядком выполнения действий. Анонимные авторы утверждают, что первоочередной задачей любого восстания является захват и распространение оружия вместе с нейтрализацией вооруженных сил. Далее, в приоритете захват, после чего следует либо занять, либо уничтожить как правительственные здания, так и техническую инфраструктуру. Детали будут сильно различаться в зависимости от местоположения. По этой причине авторы подчеркивают, что повстанцам следует заранее позаботиться о разработке плана или, по крайней мере, списка целей и их приоритетности.

То значение, которое эти авторы придают захвату мест институциональной власти, может показаться пережитком ушедшей эпохи. Хотя это может показаться нелогичным, они подчеркивают,